

Марина Махортова
Фортуна майора
Колюбакина

Марина Махортова

Фортуна майора Колюбакина

«Издательские решения»

Махортова М. К.

Фортуна майора Колюбакина / М. К. Махортова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965741-1

Повесть рассказывает об удивительных событиях жизни одного из прадедов Даниила Хармса — Ивана Васильевича Колюбакина, жившего в конце 18 — начале 19 веков.

ISBN 978-5-44-965741-1

© Махортова М. К.
© Издательские решения

Содержание

Ночные страхи	6
Фортуна-ветреница	8
Юность кадета	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Фортуна майора Колюбакина

Марина Кирилловна Махортова

© Марина Кирилловна Махортова, 2019

ISBN 978-5-4496-5741-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Фортуна любит шум, а Счастье покой
И Счастью с Фортуной трудно.

Николай Львов

Ночные страхи

Он проснулся от страха. В ночном кошмаре на каменистой дороге извивалась черная змея. Ее плоская головка была уже у самых пыльных сапог его, а он никак не мог сдвинуться с места. Всклипнув от ужаса, Иван Васильевич с усилием проснулся. Дрожащей рукой стянул с головы ночной колпак и обтер им лицо. Сердце колотилось и подкатывало к горлу. Дорога, на которой каждую ночь поджидала змея, была ему хорошо знакома. Она вела в турецкую крепость Журжа.

Он мучительно пытался разгадать, что сулит ему это видение. Заводил по утрам разговоры с женой Сашенькой, у которой в ходу были разные сонники. Невзначай расспрашивал няньку в девичьей, к чему может сниться змея. Все толкования были тревожные, а ночи Ивана Васильевича беспокойными.

Сказать по совести, ему самому казалось странно, что он не может выкинуть из головы тот сон. Этак скоро Иван Васильевич станет под первое число каждого месяца подслушивать у дверей девичьей и по тому, какое услышит слово, заключать – благополучен ли будет месяц. Или же, увидев нитку на полу, обходить ее, потому что «Бог весть, кем положена эта нить, и не с умыслом ли?» А увидав круг на песке в саду от ведра, никогда не перешагивать через него: «Нехорошо, лишаи будут». Прежде эти приметы казались Ивану Васильевичу нелепыми суевериями и он над ними посмеивался. Нынче же бывшему артиллеристу сделалось не смешно. Покосившись на спящую рядом супругу, он кряхтя поднялся с кровати и побрел в свой кабинет. Сна больше не было.

В кабинете

В кабинете Ивану Васильевичу дышать стало легче. То ли от того, что отпустил его ночной ужас, то ли воздуху было побольше, чем в спальне, где заботливая супруга на ночь наглухо закрывала ставни. Бывший майор с досадой ткнул кулаком в створки окошка и впустил в кабинет свежую летнюю ночь. Затем привычно стал устраиваться в большое вольтеровское кресло, подбирая под тощие стариковские ляжки подол ночной рубахи. Завтра же скажу Сашеньке, – сердито думал он – чтобы стелила на ночь мне здесь на клеенчатой софе. На перине рядом с ней и грудь давит, и в пот бросает, и сны дурные снятся. Так ворчал про себя Иван Васильевич, не желая признаваться в собственной немощи. Сейчас, будучи в солидных летах, бывший артиллерист позволял себе ходить по целым дням в полосатом халате, уже изрядно вытертом и упрямо ворчал, что халату, как и ему самому, сносу нет. Но все же, мужской расцвет его прошел, и от того, Ивану Васильевичу чаще думалось о прошлом, чем мечталось о будущем.

Фортуна-ветреница

Майор Колюбакин, подойдя к началу седьмого десятка, был убежден, что его крепко любит фортуна. Фортуну же Иван Васильевич привык считать ветреницей, то есть дамой, к которым он когда-то умел найти подход. Не раз судьба грозила ему бедою, но в одночасье вдруг переменяла свое решение, словно капризная женщина, и вновь улыбалась ласково, как это умела делать государыня Екатерина.

Сейчас же Иван Васильевич стал опасаться, что змея во сне – знак недобрый и предвещает дурное. Однако, будучи человеком практического склада, он от тревожных мыслей старался уходить в дела житейские, а именно в заботу о своем семействе. Бессонными ночами, который случались все чаще, придумал Иван Васильевич написать письмо государю, а в нем, поведав историю своей жизни, просить у самодержца поддержки осиротевшему семейству после своей кончины. Мысль эта была смелая, но вовсе не безнадежная. Успех послания императору Александру 1 зависел от ловкости старого майора складно изложить историю своей службы на благо отечества.

Начало этого письма придумалось в его голове давно: «Всемиловейший Государь! Неизреченные милости ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, подают смелость, повергнувши себя к освященным стопам ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, утруждать моею всеподданейшею просьбой.»

Надобно по утру, озабоченно думал Иван Васильевич, отыскать в бюро хорошие перья да бумагу, чтобы записать слова, что так складно сложились в его голове.

«В службу я вступил из российских дворян, в царствование ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ в инженерный корпус в 1760 году в возрасте 13 лет. Потом в следствии ГОСУДАРЫНИ ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ указу перемещен в инженерный шляхетский кадетский корпус кадетом в 1762 году.» – продолжал он про себя, шевеля губами, подбирать слова прошения.

Екатерина Вторая

В кабинете майора подле кресла стояло любимое бюро из карельской березы очень хорошей работы. Ключ от ящиков бюро был оригинальной формы, с сердечком в верхней части, тяжелый и гладко отшлифованный. Когда Иван Васильевич отпирал ящик стола, то замок издавал нежный музыкальный звук. В бюро его хранились бумаги, портфели, деньги и некоторые ценные вещи: кольца, табакерки, часы. А в секретном ящике Иван Васильевич, прятал от любопытных глаз книги и дорогие ему вещи из тех, что масоны употребляют на своих собраниях. С годами Иван Васильевич стал осторожен, скрытен и завел много причуд. Одна только жена Сашенька умела ему угодить. Но, если он и доверял молодой супруге ключ от своего стола, то требовал, чтоб он возвращался ему из рук в руки, а иначе непременно быть ссоре. Точно так же опрокинутая солонка заставляла сердиться Ивана Васильевича. Сколько раз уж эти солонки летали со стола – летом в окно, зимою в форточку для того, чтобы разрушить неминуемую силу дурного влияния. Вот и снам он стал с некоторых пор придавать особое значение.

Юность кадета

А ведь как беспечен был Иван Васильевич в дни своей молодости! Как уверен в себе, как дерзок и пытлив в науках, как ловок в обращении со шпагой, как обходителен с начальством, и наконец, как любезен женской породе. При его богатырской стати, умении щегольски носить артиллерийский мундир и прочих мужских талантах попасть в случай казалось ему делом вполне возможным. Он хорошо помнил себя юным кадетом, что частенько заглядывался из-за кустов на девиц, гуляющих парами по ровным дорожкам Летнего сада в Санкт-Петербурге.

– Чудное дело! – усмехнулся Иван Васильевич, – Отчего в ту пору все девицы мне казались красавицами? А куда им до моей Сашеньки!

На прогулке

В Летнем саду с друзьями-кадетами артиллерийской школы он бывал не часто, лишь по воскресным и праздничным дням. И то, ежели попадал в число воспитанников, получивших одобрительные аттестации от учителей. Для этого приходилось стараться. Человеку стороннему могло показаться, что для стрельбы из пушек нужны лишь сильные руки, меткий глаз, да крепкая выдержка. На деле же от кадетов требовались успехи в разных науках. На дворе был новый век, век Просвещения. Сама Государыня, утвердив устав инженерной школы, заботилась об отменном образовании будущих офицеров. Она повелела обучать их математике, русскому и иностранным языкам, истории и географии. Для преподавания специальных наук, потребных будущим артиллеристам и инженерам, в школу приглашали лучших знатоков химии, фортификации и гражданской архитектуры. Учили артиллеристов также черчению и рисованию.

В летние месяцы кадеты отправлялись в лагерь на Выборгской стороне. Там они осваивали фейерверочное искусство, стреляли из пушек по целям, строили укрепления, овладевали минным искусством. Императрицей лично были выделены два 3-х фунтовых «единорога» – учебные пушки для обучения артиллеристов стрельбе.

Артиллеристы

Юношам, оторванным от родного дома, живущим в каморах в небольших деревянных домах на берегу речки Никольская, что впадает в Неву, порой хотелось развлечений и веселья. Однако распорядок дня был строгим.

По пробитии вечерней зори в Петропавловской крепости в 21 час ложились спать для того, чтобы бодро подняться по сигналу в 6 утра. Но самая интересная, то есть запретная жизнь, у дворянских недорослей, начиналась после вечерней зори. В числе отчаянных, совершавших ночные вылазки из корпуса в поисках приключений, был Иван Колюбакин.

Отчаянный-то я был отчаянный! – опять усмехнулся, пришедшему в голову каламбуру, старый майор – Да ведь не только потому, что лихо нарушал строгую дисциплину, а от того, что отчаянно, до обморока боялся змей. Эту постыдную слабость он тщательно скрывал от своих товарищей, так как трусость почиталась в их кругу страшным позором. Подбывая друзей своих на очередную вылазку, Иван испытывал себя на прочность, ведь змей вокруг артиллерийской школы водилось в ту пору видимо не видимо.

Артиллерийский и инженерный корпус находился в сырой и дикой местности Мокруши.¹ Это была окраина Петербурга в самом прямом смысле слова. Высокий палисад отделял Мокруши от густого леса, откуда ночами, особенно зимой, наведывались волки.

Каждую осень здесь разливалась речка Никольская², по берегам которой кисли на глиняных берегах развалюхи здешней бедноты. Местность оживляла небольшая церковь, называемая местными жителями «Успенье на Мокрушах», или просто «Никола-Мокрый». Церковь эту давно было решено перестроить в 5-главый каменный собор и строительство ее уже началось.³ Однако, велось оно не шатко не валко, как это часто у нас бывает. То доски, то кирпич растащат без охраны. Посему решили сторожа из бывших солдат приставить к добру, чтобы стеречь его от лихих людей. С этим сторожем завязалась у кадет крепкая дружба, построенная, как водится, на взаимном интересе. Местность вокруг церкви была заболоченной, берега низменные, множество проток, озёр. Чтобы выбраться из Мокруш в город, требовалась лодка. Эту лодку и подрядились нанимать у сторожа кадеты-артиллеристы для своих ночных прогулок на Васильевский остров, что был совсем рядом, за Тучковым мостом, по которому кадетам без специального разрешения в неурочное время ходить не дозволялось.

¹ Мокруши -это место в Санкт-Петербурге, где ныне находятся Дворец спорта «Юбилейный» и стадион «Петровский». Здесь раньше простиралась низменная местность, затапливаемая даже при самых незначительных подъемах воды в Неве, ее называли Мокруши.

² Речка Никольская – старое название речки Ждановки в Санкт-Петербурге

³ Церковь «Никола Мокрый» – небольшая деревянная церквушка святого Николы «на Мокрушах», поставленная в 1708 году и перестроенная в Успенскую церковь, а затем при Екатерине второй в Князь-Владимирский собор.

У Тучкова моста

Конечно, на Петербургской стороне тоже имелись кабаки и в изрядном количестве. В них подлому народу продавалось мелкими чарками вино, водка и пиво. Но с пьяными мастеровыми и другой не очень чистой публикой будущим офицерам сидеть было зазорно. До лодки же, привязанной в укромном месте, подальше от людной Никольской пристани, им приходилось скрытно пробираться по заросшим берегам под кваканье лягушек, то и дело оскальзываясь, опасаясь измазать кафтан и казенные башмаки. Старшим кадетам шляхетского корпуса в ту пору полагался зеленый кафтан с красными воротником и башмаки круглоносые с медными пряжками, а также треугольная шляпа с бантом. Эту шляпу старший кадет Колюбакин чуть не потерял однажды в время ночной вылазки из корпуса с товарищами. Искали долго, ведь без шляпы, хоть в корпус не возвращайся. Вот здесь-то в мокрых кустах у Никольской речки Ивану и мерещились всюду змеи. А теперь, через столько лет эта мерзкая тварь вернулась в его сны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.